

Научная жизньAcademic Life

Японские исследования. 2019. №1. С. 111–134.

Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 111–134.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10007

Г.Г. Ксимилов и его «Очерк истории современной японской литературы 1868–1906» (Из истории отечественного японоведения)

Л.М. Ермакова

Аннотация. Статья посвящена биографии и пионерской работе по японской литературе периода Мэйдзи Г.Г. Ксимилова (1877–1910). О жизненном пути Г.Г. Ксимилова известно совсем мало, даже год его смерти был под вопросом. По материалам трёх дальневосточных архивов и государственного исторического архива Грузии нам удалось восстановить основные вехи его биографии и ряд примечательных подробностей его судьбы, по-своему необычной: понтийский грек, родом из грузинского села Ирага, учившийся в духовной семинарии в Тифлисе, он поступил в Восточный институт и окончил японское отделение с золотой медалью за дипломную работу по японской литературе. Затем он был принят на дипломатическую службу и вскоре трагически скончался, немного не дожив до своего 33-летия.

Его работа по современной японской литературе долгое время находилась вне круга внимания актуального японоведения, между тем сразу после её выхода в 1909 г. она вызвала немалый интерес, её выписал для своей личной библиотеки М. Горький. В сущности, десятки лет книга Ксимилова была единственным исследованием, специально посвящённым японской литературе этого периода (аналитическое и систематизированное изложение истории литературы Мэйдзи было подготовлено Н.И. Конрадом в 1934 г., однако оно было опубликовано лишь в 1973).

В статье представлены концептуальные обобщения Г.Г. Ксимилова, касающиеся японской литературной истории, его оригинальные взгляды на актуальную литературу, оценки современной ему японской беллетристики и поэзии. Проходивший практику в Токийской школе иностранных языков, Ксимилов в своих умозаключениях пользуется и личными впечатлениями о Японии, кроме того, в его книге содержится немало переводов из японских произведений, пересказываются любопытные литературные факты. Нельзя не оценить широту охвата, живой слог и горячую заинтересованность автора; как мы теперь понимаем, ему удалось уловить самое важное в событиях и тенденциях актуального литературного потока, описать самые значительные литературные фигуры и явления времени. Многие выводы автора и приводимые им детали, на наш взгляд, представляют интерес и для современных японоведов – как филологов, так и историков.

Ключевые слова: Г.Г. Ксимилов, история японоведения, Восточный институт во Владивостоке, обзор литературы Мэйдзи.

Автор: Ермакова Людмила Михайловна, доктор филологических наук, заслуженный профессор Муниципального университета иностранных языков г. Кобэ, преподаватель университета Рицумэйкан.
E-mail: lermakova@gmail.com

G.G. Ksimidov and his “Outline of the contemporary Japanese literature (1868–1906)” (From the history of Japanese studies in Russia)

L.M. Ermakova

Abstract. This article is dedicated to the memory of Georgiy Georgiyevitch Ksimidov (1877–1910), his biography and his pioneering study of Meiji period Japanese literature.

Until now, the history of his life, including even the date of his death, was almost unknown. Exploring the materials of three archives in the Russian Far East and the State Historical Archive of Georgia, we were able to trace the key moments of Ksimidov’s biography and to revive some remarkable episodes of his life. Pontic Greek by origin, born in a Georgian village of Iraga, he became a student of a seminary in Tiflis. After that, he entered the Japanese department of the Eastern Institute in Vladivostok which he graduated from with a gold medal awarded for his thesis on Japanese literature. After graduation, he entered diplomatic service and soon met his early death, not surviving his 33rd birthday.

G. Ksimidov’s work on the Japanese literature of his time was almost unknown among specialists until much later. However, a hundred years ago the situation was different, as immediately after it was published in 1909, the work sparked considerable interest. For instance, Maxim Gorky ordered it for his personal library. It must be said that for quite a long time Ksimidov’s book was in fact the only study specifically focusing on the Japanese literature of that period (afterwards, an analytical and systematic account of the history of Meiji literature was prepared by N.I. Conrad in 1934, but it was not published until 1973).

The article presents G. Ksimidov’s ideas concerning Japanese literary history, his original views on Meiji literature, his evaluations of Japanese fiction and poetry of the time. Ksimidov spent several months at the Tokyo School of Foreign Languages and he uses his personal observations of Japan in his essay. His book also contains many translations from Japanese short stories and a collection of curious literary facts.

A modern day reader of Ksimidov’s work cannot but appreciate the breadth of coverage, a lively manner of narrating, and the author’s ardent interest in his chosen theme. As we can easily see now, he managed to catch the most important trends and events of the literary flow of his time and to draw the readers’ attention to the most significant literary figures and phenomena. Many ideas and conclusions presented by the author, as well as the remarkable details he retells, may be of great interest to modern Japanese studies scholars, both philologists and historians.

Keywords: G.G. Ksimidov, history of Japanese studies, Oriental Institute in Vladivostok, outline of Meiji literature.

Author: Ermakova Liudmila M., PhD, D. (Literature), Professor Emeritus, Kobe City University of Foreign Studies; Lecturer, Ritsumeikan University. E-mail: lermakova@gmail.com

Становление Г.Г. Ксимидова-японоведа

Ранняя история отечественного японоведения насчитывает немало выдающихся учёных – прежде всего среди тех, кто стал основоположником академического изучения японской культуры, литературы и языка и задал общие направления научного поиска, главные принципы будущих исследований и многое другое, вплоть до системы транскрипции японских слов, принятой до нынешнего времени. Их биографии и труды уже довольно давно стали объектом изучения, и работа эта продолжается до настоящего времени.

В то же время в последние десятилетия историки всё чаще обращаются к фигурам, не столь крупным и заметным, но тоже сыгравшим важную роль в развитии японоведения в России, – в том числе, к тем деятелям науки, кто по разным обстоятельствам оказался незаслуженно забытым. Среди таких деятелей, чьё имя нам хотелось бы воскресить, находится и Георгий Георгиевич Ксимидов (21 марта 1877 г. – 11 марта 1910 г.).

Георгий Георгиевич Ксимидов, 1909 г.

О Г.Г. Ксимидове, наравне с В.М. Мендриным, как о выпускниках японской кафедры Восточного института во Владивостоке, «которые выросли в серьёзных учёных», писала Г.Д. Иванова [Иванова, 1998, 38–39], автору этой статьи тоже доводилось упоминать книгу Ксимидова «Обзор истории современной японской литературы 1896–1906», вышедшую в Хабаровске в 1909 г. [Ермакова, 2005, с. 125–126]. Как представляется, эта работа заслуживает более подробного разбора, да и сама драматическая биография этого человека,

ушедшего из жизни более ста лет назад в возрасте 33 лет, представляется нам необычной и весьма примечательной. Между тем до сих пор о нём известно крайне мало¹.

Г.Г. Ксимидов родился 21 марта 1877 г. в селе Ирага Тифлисской губернии. Это село, в числе нескольких соседствующих, с середины XV века заселяли понтийские греки. К ним принадлежал и Г.Г. Ксимидов.

Переселение в Грузию греков Трапезунда – территории, захваченной Османской империей, – началось около 1813 г. и было связано с новой ассимиляторской политикой Порты и усилением в ней роли ислама, что коренным образом затрагивало жизнь понтийских греков. Историки пишут: «Законы шариата стали диктовать нормы морали и внутренней политики. Христиане подвергались жесточайшей эксплуатации. До 1839 г. в Турции для иноверцев существовало 80 различных видов налогов и 97 различного рода повинностей. Процветавшее взяточничество и вымогательство, взимание незаконных поборов с особой тяжестью ложились на иноверцев. Существовал унижительный налог кровью, когда для пополнения рядов янычар турецкими властями отбирались наиболее здоровые греческие дети мужского пола с последующим обращением в ислам» [Рудянов, 1998, с. 10–11].

Первая волна греческой эмиграции в Россию была связана с русско-турецкой войной 1768–1774 гг. – при заключении мира впервые была оговорена возможность переселения турецких христиан в Россию. В 1810 г. в Тифлисе был создан «Комитет по переселению христиан из Турции на Кавказ», хлынули потоки переселенцев-беженцев. С одним из таких потоков из селения Санта Трапезундского округа² в Грузию перебрался православный священник Георгий Иоаннович Ксимидов, отец будущего японоведа Георгия Георгиевича Ксимидова.

Согласно «Клировой Ведомости по церквам Борчалинского уезда» Грузино-Имеретинской синодальной конторы за 1892 г., Г.И. Ксимидов был «посвящён в священники в 1857 г. Трапезундским Митрополитом Констанцием», «в 1868 г. прибыл из Турции вместе с прихожанами», с 1874 г. числился священником в причте церкви Св. Пророка Илии Ирагинского прихода Тифлисской губернии, и, как было написано о нём в Ведомости, «читать, писать и петь знает очень хорошо, Катехизис и Св. Историю хорошо» [ЦГИАГ, л. 5–6]³.

К 1892 г., судя по данным этого источника, он был уже вдовцом – жена его умерла в 1888 г., и на его руках осталось семеро детей. Мы не располагаем данными о биографии старших детей священника, но самому младшему из его детей – Георгию – он сумел дать начальное образование в Тифлисском духовном училище.

Уже через два года после составления «Клировой Ведомости», в 1894 г., священник Георгий Иоаннович Ксимидов скончался. Его младший сын Георгий Георгиевич Ксимидов, оставшись сиротой, окончил училище, возможно, с помощью старших братьев и сестёр Ксимидовых и смог поступить в Тифлисскую духовную семинарию, полный курс которой

¹ Автор статьи благодарит А.А. Хисамутдинова за ценные советы и сведения.

² Санта, находившаяся в труднодоступной горной местности, вдали от турецких сёл, с XVI века была для понтийских греков убежищем от турецких гонений.

³ Этот материал из ЦГИА Грузии передан мне Георгием Георгиевичем Ксимидовым (г. Салоники, Греция), нынешним представителем рода Ксимидовых и полным тезкой японоведа Г.Г. Ксимидова. Он же предоставил в моё распоряжение единственную сохранившуюся в семье фотографию Г.Г. Ксимидова. Искренне благодарю его за помощь и поддержку на всех этапах написания статьи.

прошёл с 1896 по 1903 гг.⁴ Вполне вероятно, что духовный сан не был при этом главной целью – об этом красноречиво свидетельствуют последующие шаги Г.Г. Ксимидова. Причина, скорее всего, заключалась в том, что в те времена именно духовная семинария предоставляла возможность получения бесплатного среднего образования. Как известно, большую часть семинаристов составляли казённокоштные, т.е. содержащиеся на полном казённом обеспечении. Всё это делало семинарию привлекательной для детей малообеспеченных сословий: духовенства, крестьян, казаков, мещан и др., при этом выпускник семинарии имел право поступления в практически любое светское учебное заведение России – образовательный уровень семинаристов был приравнен к гимназическому курсу [Сушко, 1996, с. 107]. Преподавание в Тифлисской семинарии велось на русском языке: в XIX веке поместная Грузинская церковь утратила автокефалию и существовала как часть Российской церкви в виде Грузинского экзархата, что в ряде случаев приводило к злоупотреблениям – например, к преследованию в стенах семинарии грузинского языка, который был запрещён даже в частных беседах между воспитанниками, дискриминации по национальному признаку в пользу русских и т.п.

Ученье в семинарии, при всех способностях Г.Г. Ксимидова, было, видимо, нелёгким. В начале XX века в Петербурге были изданы любопытные, со страстью и болью написанные воспоминания о Тифлисской семинарии 1900–1903 гг., в них анонимный автор рассказывает о двух сменявших друг друга ректорах, чинивших произвол и беззаконие: «Не воспитание, не любовь, а развращение, ненависть и громадное горе внесли они с собою в стены грузинской семинарии, а чрез это и во всю Грузию, прикрываясь эгидою политики; они жили только для себя и страшно губили Грузию и русское дело в Закавказье, обращая друзей и верноподданных России во врагов и вводя в обман высшие власти на счёт своей деятельности» [Из воспоминаний, 1907, с. 4]⁵. «О. С.⁶ стал заводить в семинарии шпионов из учеников и служащих семинарии... принятые с натяжкой, эти ученики еле держались, ибо своих дурных привычек, из-за которых они были изгнаны из других семинарий, не оставляли и учились так себе. <...> К ним присоединялись и другие, соблазненные привилегиями шпионов, ибо последним сходило с рук решительно всё: и нарушение семинарской дисциплины, и пьянство, и разврат...» [Из воспоминаний, 1907, с. 18].

Г.Г. Ксимидову, видимо, немало досталось от ректора о. Никандра⁷, человека молодого, но с диктаторскими замашками и, к тому же, по свидетельствам коллег-преподавателей, не очень хорошо образованного. В частности, как написано в воспоминаниях, о. Никандр «не церемонился беззастенчиво переправлять» поставленные другими преподавателями оценки по собственному усмотрению – своим любимчикам повышал, а остальным понижал. И «был так нагло смел, что не скрывал следов, оставшихся в ведомостях, от переправки рукою о. Никандра». Далее читаем: «Ксимидову Георгию VI кл. в 1903 г. (т.е. в выпускном классе. –

⁴ Примерно в то же время в этой семинарии учился, согласно историческим источникам, и воспитанник И.В. Джугашвили, в 1899 г. отчисленный из 5 класса за неявку на экзамены по неизвестной причине.

⁵ Скорее всего, анонимный автор книги – преподаватель семинарии И.М. Меньшиков, который фигурирует в книге как главный защитник справедливости.

⁶ Речь идёт об иеромонахе Стефане (1861–1914, в миру Н.П. Архангельский), будущем епископе Могилевском, архиепископе Курском и Обоянском. Был ректором Тифлисской духовной семинарии в 1901–1902 гг.

⁷ О. Никандр (1872–1933, в миру Н.Г. Финогенов) – епископ Русской Православной церкви, митрополит Ташкентский. Был ректором Тифлисской духовной семинарии в 1902–1906 гг.

Л.Е.), чтобы извести во второй разряд, тайно убавил по сочинению 5/9, так что из 3 и 5/9 вышло 3; 5/9 больше половины, а по закону и половины нельзя отбрасывать, а должно принимать её за целую единицу» [Из воспоминаний, 1907, с. 58]. Вскоре после этого документы Ксимидова и ещё одного воспитанника были и вовсе потеряны в канцелярии, и хотя через две недели они благополучно нашлись, защитник Ксимидова, преподаватель И.М. Меньшиков, секретарь Правления семинарии, успел пострадать – донесение о нём как расхитителе документов немедленно отправилось в высокие церковные инстанции.

Несмотря на заступничество И.М. Меньшикова и на то, что, согласно аттестату, Г.Г. Ксимилов «оказал успехи» «хорошие» и «очень хорошие» по всем предметам, он всё-таки попал во второй разряд.

Надо сказать, что бесплатным семинарское образование могло быть лишь в том случае, если выпускник поступал затем на службу по духовному ведомству или шёл учителем в народную школу. Г.Г. Ксимилов избрал иной путь, поэтому в его аттестате указывается сумма в 890 руб., которые он остался должен казне и обязан был выплатить. Безденежье преследовало его потом всю недолгую жизнь. После окончания Тифлисской духовной семинарии Ксимилов уезжает из Тифлиса и в том же 1903 г. поступает в новообразованный Восточный институт во Владивостоке.

Этот поворотный пункт в биографии Г.Г. Ксимилова, очевидно, нуждается в объяснении. Почему молодой человек родом из греческого поселения в грузинском селе Ирага, выросший среди земледельцев и каменотёсов, сын священника и выпускник Тифлисской духовной семинарии, вдруг решает избрать поприще востоковеда и едет для этого за тысячи километров через всю Россию?

Может быть, в его судьбе были какие-то впечатления или встречи, которые сыграли роль в его выборе, – к сожалению, сведений об этом не сохранилось. Тем не менее, исходя из общей ситуации, можно сделать некоторые предположения. Главное состоит в том, что Г.Г. Ксимилов, видимо, хотел во что бы то ни стало получить высшее образование, стать в какой-то области специалистом – учиться он, видимо, умел и любил. В то же время возможности выбора были для него ограничены – и не только финансовыми соображениями. Несмотря на то, что семинарии формально были приравнены к гимназиям, во многих университетах семинаристов принимали неохотно, в ряде учебных заведений поступление для них было связано с более сложной и строгой, чем для гимназистов, системой вступительных экзаменов [Жарова, 2016, с. 38]. В некоторых больших университетах требовалось сдать экзамены по предметам, которыми Ксимилов в семинарии не занимался – например, французский язык.

В Восточный же институт, по Положению ведомства Министерства народного просвещения от 1899 г. (текст которого печатался в ежегодных календарях), принимались «без испытаний <...> молодые люди, окончившие курс средних учебных заведений всех типов и ведомств». Ещё один, вероятно, немаловажный для Ксимилова фактор – институт располагал общежитием. Наконец, что, может быть, сыграло решающую роль, институт был новым учебным заведением – не только недавно сформированным, но и новым во многих других отношениях. Россия готовилась разрабатывать свои дальневосточные земли и ресурсы, страна повернулась к Востоку. Кроме того, задачей института было, согласно тому же Положению, «подготовление учащихся в нём лиц к службе в административных и торго-

промышленных учреждениях восточноазиатской России и прилегающих к ней государств», т.е. выпускникам в определённой степени гарантировалась служба в госучреждениях дальневосточного края. И вдобавок к этому – «в каникулярное время студенты командируются в соседние государства для усовершенствования в изучаемых языках» [Всеобщий календарь, 1909, с. 522].

Этот Институт был первым высшим учебным заведением на Дальнем Востоке, основанный в 1899 г., всего за четыре года до окончания Ксимиловым курса семинарии. Развивался он быстро и энергично, и через четыре года после основания, в 1903 г., библиотека Института уже насчитывала 45 тысяч томов, и было подготовлено 12 выпусков «Известий Восточного Института», о чём писал первый директор Института А.М. Позднеев в письме министру народного просвещения Г.Э. Зенгеру [Еланцева, 2012, с. 139].

Продолжительность обучения в Институте «определялась в четыре года, и со второго курса студенты распределялись по четырём отделениям: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-маньчжурское, китайско-монгольское» [Серов, 1994, с. 16], т.е. китайский язык был обязательным на всех четырёх отделениях. За время учебы Ксимилов прослушал курсы политической организации Китая и Японии, изучал государственное, гражданское и международное право, коммерческую географию Дальнего Востока, богословие, товароведение и счетоводство, занимался японским, китайским и английским языками (возможно также, что и монгольским), и, наконец, написал дипломную работу, которая была удостоена золотой медали [ГАПК, л. 32]⁸.

Летом, после первого курса, Ксимилов командируется на практику в Ургу (нынешний Улан-Батор), где стажирется четыре месяца – с 10 апреля по 16 августа 1904 г. К осени, на втором курсе, он выбирает своей специальностью Японию и японский язык, о чём 23 сентября пишет заявление ректору Института Д. Позднееву. Отметим сразу, что по японскому языку у него были максимально высокие оценки все годы обучения в Институте.

К тому времени японская кафедра была укомплектована высококвалифицированными кадрами преподавателей, в том числе носителями языка. Примечательно, что занятия с носителями проходили по вечерам, сверх установленной учебной программы. Как пишет Г.Д. Иванова, в 1900-е годы в штате состояли три японца – Мацуда Эй, Каваками Хидэо и Маэда Киёцугу [Иванова, 1998, с. 37]. Последний, выпускник немецкого отделения Токийского института иностранных языков, стал автором пособий, учебника японского языка, словаря и др. Он был так рекомендован Е.Г. Спальвиным, исполнявшим обязанности лектора по кафедре японского языка и словесности: «Маэда обладает основательными познаниями по всем отделам японской литературы, занимался изучением местных наречий и обычаев. Преподавал немецкий и японский языки в самой крупной гимназии Токио. Проявил литературные способности, занимался переводами с английского и немецкого языков» [Серов, 1994, с. 20]⁹. Эти учёные, начиная с Е.Г. Спальвина, и стали учителями Ксимилова.

Но помимо науки студенту постоянно приходилось думать о хлебе насущном. Вернувшись из Урги в Восточный институт и определившись с будущей специализацией,

---

⁸ За дружескую помощь по контактам с тремя дальневосточными архивами – ГИАДВ, ГАПК и ГААО – сердечно благодарю Е.К. Симонову-Гудзенко.

⁹ Маэда Киёцугу в 1907 г. поехал в Японию для лечения жены, а также для приобретения шрифтов для типографии Восточного института, и был заколот в парке как предатель Родины. О Маэда подробнее см. [Хияма, 1994, с. 48–51].

он на следующий же день после возвращения подаёт прошение об отсрочке платежа за право слушания лекций на ближайшие шесть месяцев. Простение удовлетворено, но проходит полгода, а 30 рублей взноса за следующее полугодие по-прежнему взять неоткуда, и он подыскивает себе место для подработки на железной дороге. Но проходят оплаченные полгода, и 15 ноября 1905 г. он пишет «его Превосходительству Господину Директору Восточного Института» ещё одно отчаянное прошение, которое начинает словами: «Не располагая никакими средствами, я был принужден ещё в прошлом году искать себе материального обеспечения в стороне – в своих собственных трудах, что отнимало у меня много времени и мешало твёрдому прохождению Институтской науки. Ныне же, с выбором специального языка, я прихожу к убеждению, что работа в стороне для меня уже совершенно невысказима, и потому прошу принять меня в число стипендиатов...» [ГАПК, л. 10]. Следующее прошение Ксимилов вынужден подать 13 сентября 1907 г., будучи студентом IV курса: «Лишившись своего родителя, и вместе с его смертью и всякой материальной поддержки для продолжения образования, я, ещё будучи на II курсе, был принужден держать экзамен на полную стипендию, которой и удостоился при директоре Д. Позднееве. <...> прошу Вас вновь удостоить меня её, приняв во внимание формулярный список моего отца или же вновь назначить мне конкурсный экзамен на полную стипендию» [ГАПК, л. 14–14 об.].

Летом 1907 г. Ксимилов проходит студенческую практику в Токио, где усиленным образом занимается японской литературной историей. В документах отечественных архивов не обнаружено никаких сведений о его практике, кроме прошения, написанного из Российского посольства в Токио 1 июля 1907 г., где усердно трудившийся и вечно нуждавшийся Ксимилов опять пишет, что командировочных денег ему на жизнь не хватает, поэтому просит выслать ему пособие в сто рублей, – «в крайнем случае, из положенной мне летней стипендии».

Более никаких подробностей о командировке в его институтском архивном деле не содержится, но из японских источников мы знаем, что он состоял при Токийской школе иностранных языков (позднее преобразованной в Токийский государственный университет иностранных языков). Как пишет японский историк-балканист Сиба Нобухиро, из Восточного института каждый год туда приезжали на стажировку студенты, в их числе был и Георгий Ксимилов [Сиба, 2017, с. 14–15]. Там он учился под руководством профессора Ясуги Садатоси (1876–1966). Ясуги сам в 1902–1903 гг. стажировался в Петербурге, где, в частности, слушал лекции Бодуэна де Куртене, а вернувшись в Японию, получил место и.о. профессора в Токийской школе иностранных языков. Языковед и переводчик с русского, Ясуги стал патриархом профессиональной японской русистики, учителем многих известных японских русистов XX века, автором ряда работ, учебников и широко применяемого русско-японского словаря [Сато, 2008, с. 69–72].

Ксимилов и Ясуги были практически ровесниками, и в период стажировки Ксимилова между ними, видимо, сложились добрые отношения. Вероятно, после отъезда из Токио и возвращения Ксимилова во Владивосток между ними завязалась переписка. Когда в Токийской школе иностранных языков в 1909 г. образовалась вакансия преподавателя русского языка, Ясуги написал об этом Ксимилову с просьбой подыскать подходящую кандидатуру, и тот рекомендовал на это место своего знакомого, Душана Тодоровича, жившего тогда в Хабаровске. Душан Тодорович (1875–1963) – серб по происхождению,

учился в Санкт-Петербургском университете, тогда и переменял подданство на российское, получил физико-математическое образование и учёную степень. Преподавал физику и математику в школах и гимназиях, затем перебрался в Хабаровск и стал служить в канцелярии Амурского генерал-губернатора, где, надо думать, и познакомился с Г. Ксимидовым. В Японии он, благодаря рекомендации последнего, сначала преподавал русский язык в Школе иностранных языков, потом в Токийском Императорском университете написал несколько фундаментальных пособий по русскому языку, пользовался влиянием среди студентов. Возможно, именно этот авторитетный педагог был родоначальником традиции ежегодно ставить силами студентов пьесы русских драматургов [Нихондзин то росияго, 2000, с. 75, 85]; традиция эта жива на русских отделениях японских университетов и поныне. (Забавно, что во время обсуждения кандидатуры Д.Н. Тодоровича в Школе иностранных языков Ясуги зачитывал вслух рекомендацию, написанную Ксимидовым, где, помимо академических и педагогических заслуг Тодоровича, в самом конце упоминается и то обстоятельство, что этот кандидат на профессорское место не имеет склонности к спиритному – видимо, предшественник Тодоровича имел эту привычку) [Сиба, 2017, с. 16].

Из документов явствует, что Г.Г. Ксимидову, помимо материальных затруднений, приходилось преодолевать и физические недомогания – в его архивном Деле содержится письмо от директора Восточного института, направленное заведующему Морским Владивостокским госпиталем, от 4 февраля 1908 г. с просьбой принять студента Ксимидова для излечения, поскольку городская больница переполнена. Однако через два дня приходит ответ за подписью «Главного доктора, Действительного статского советника и Делопроизводителя, Надворного советника», что за недостатком кредитов студент Ксимидов в больницу принят быть не может.

Вскоре после окончания Восточного института в 1908 г. Г.Г. Ксимидов поступил на государственную службу. В семье Ксимидовых, ныне живущих в г. Салоники (Греция), остались воспоминания о давно утраченном письме от Георгия Георгиевича, где он пишет, что, вероятно, скоро сможет материально помогать оставшимся в грузинской Ираге родственникам.

В документах Российского Государственного архива Дальнего Востока содержится его краткий послужной список: «Не имеющий чина Георгий Георгиевич Ксимидов. По окончании курса в Восточном Институте по японско-китайскому отделению – по 2-му разряду поступил 11 февраля 1909 года – на службу по ведомству Министерства Внутренних Дел: назначен исправляющим должность переводчика китайского языка при Канцелярии Приамурского Генерала-Губернатора; 19-го октября 1909-го года перешел на должность драгомана японского языка при управлении Пограничного Комиссара Амурской области» [РГИА ДВ, л. 112].

Из этого архивного документа следует, что через полгода службы переводчиком при генерал-губернаторской Канцелярии в Хабаровске Г. Ксимидов был переведён в пограничное комиссарство в г. Благовещенске на реке Амур. Должность драгомана означала совмещение функций переводчика и дипломата, т.е. знаменовала определенный карьерный успех и, может быть, прибавку к жалованью, а также предполагала преимущественное применение в работе не китайского, а японского языка.

Осенью 1909 г. отмечался 10-летний юбилей Восточного института. Как рассказывается в мемуарах одного из выпускников института, китаиста И.Г. Баранова, «проф[ессор]

Е.Г. Спальвин произнёс актовую, очень содержательную и интересную речь «Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа». <...> После речи, чтения приветствий и поздравлений состоялась выдача золотых медалей некоторым окончившим Институт за их письменные работы. Эти награды получили присутствовавшие на акте будущий проф[ессор] маньчжурского языка А.В. Гребенщиков и окончивший по японскому отделению Ксимилов. Последний прибыл на торжественный акт при шпаге, в красивой форме какого-то правительственного чиновника» [Баранов, 2015, с. 67].

Фотография Г.Г. Ксимилова в описанной форме, сделанная в том же году в Хабаровске в фотоателье А.Т. Далингера и посланная на родину – единственное, что осталось в память о нём у его родственников в Салониках. Через полгода после начала службы в Благовещенске Г.Г. Ксимилов скорострительно скончался, десять дней не дожив до своего 33-летия.

В документах архивного фонда Благовещенской духовной консистории в актовой записи о смерти значится: «Ксимилов Георгий Георгиев – переводчик японского языка при Управлении пограничного комиссара Амурской области. Причина смерти: от малярии. Умер 11 марта 1910 г., в возрасте 33 лет. Погребён 13 марта 1910 г. на общем городском кладбище по удостоверению от общины Красного Креста от 15.03.1910. Погребение совершено священником Ильей Мосоловым и диаконом Яковом Петровым» [ГААО, л. 373 об.-374]¹⁰.

Архивное дело Г.Г. Ксимилова, содержащее документы времён его студенчества, завершается извещением: «Конференция Восточного института сим извещает, что 14 марта в 10 час. утра в церкви Восточного Института будет отслужена заупокойная обедня и панихида по скончавшемуся питомце Института выпуска 1908 г., драгомане пограничного комиссариата в г. Благовещенске Георгии Георгиевиче Ксимилове» [ГАПК, л. 36].

Литература Мэйдзи в описаниях Г.Г. Ксимилова

Обратимся теперь к труду Г.Г. Ксимилова «Обзор истории современной японской литературы 1868–1906», опубликованному в Хабаровске в 1909 г.

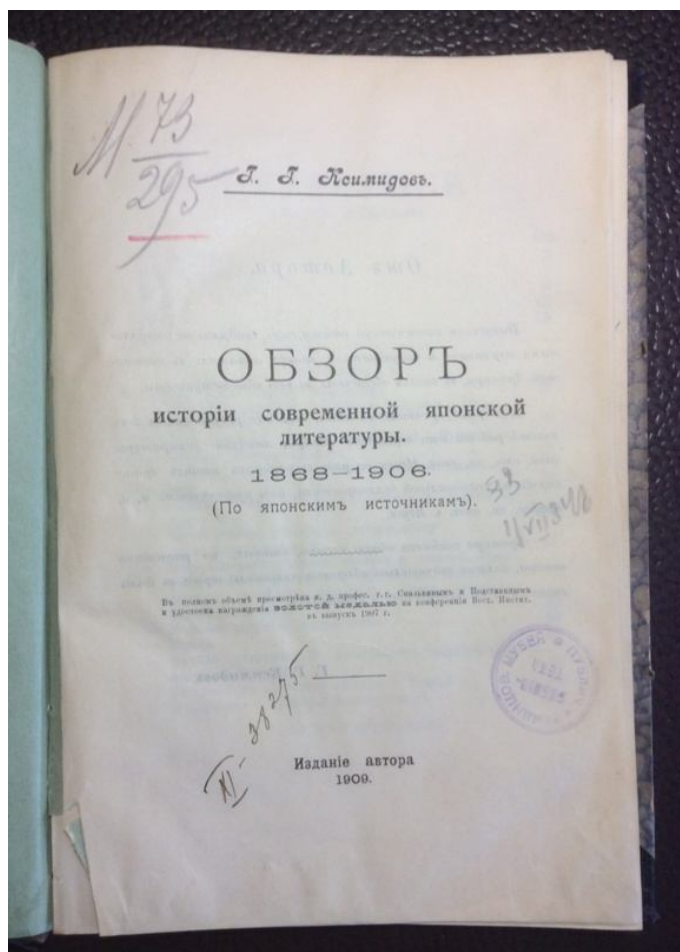
Этот пионерский труд, как уже говорилось, основан на выпускной письменной работе Ксимилова, за которую он получил золотую медаль. На титульном листе книги сказано, что она «в полном объёме просмотрена и.д. профес. (т.е. исполняющими должность профессора. – Л.Е.) гг. Спальвиным и Подставиным¹¹ и удостоена награждения золотой медалью на конференции Вост[очного] Инстит[ута] в выпуск 1907 г.»¹².

---

¹⁰ Отпевавший Г.Г. Ксимилова протоиерей Илья Мосолов (Мосолов Илья Иванович, 1867–?) (член совета Иоанно-Богословского братства, а также православного братства Пресвятой Богородицы, епархиального миссионерского комитета, попечительского совета общины сестёр милосердия всероссийского общества Красного Креста, настоятель Никольской церкви и т.д.) был арестован 11 сентября 1926 г., 6 апреля 1927 г. осужден к 3 годам высылки в Зырянский край, и дальнейшая его судьба неизвестна [Синодик. Протоиерей Илья Мосолов].

¹¹ Подставин – Г.В. Подставин, профессор корейского языка и литературы Восточного института. О Подставине см. [Хисамутдинов, 2015, с. 106–110], о Спальвине см. [Первый, 2007, с. 1–176].

¹² Здесь наблюдается временное нарушение – официально Г.Г. Ксимилов считается выпускником 1908 г. Объяснение, возможно, состоит в том, что аттестаты об окончании Института были выданы выпускникам 8 мая 1908 г., а выпускное письменное сочинение принималось и оценивалось на полгода раньше.

Титул книги Г.Г. Ксимидова «Обзор истории современной японской литературы 1868–1906», 1909 г.

По-видимому, сама дипломная работа была гораздо подробнее и объёмнее печатного варианта. Как сам Г. Ксими́дов пишет в Предисловии к изданию, «выпускную студенческую работу свою, снабженную специальными терминами и подробностями, автор сократил в настоящую брошюру в видах обеспечения за ней общедоступности. Материал, предлагаемый здесь, является результатом двухлетней работы над переводом истории японской литературы кандидата словесности японского университета Иваки наряду с разбором многих оригиналов из национальной беллетристики, под руководством и.д. (исполняющего должность. – Л.Е.) профес[сора] яп[онского] университета г. Ясуги. Брошюра снабжена общю частью, которая по расчётам автора должна значительно облегчить читателю труд в деле знакомства с материалом о писателях».

Скорее всего, тема для дипломного сочинения выбрана самим Ксими́довым. Это наше предположение ни на чём не основано, кроме живой заинтересованности, которая ощущается на каждой странице книги, а также очевидной трудностью задачи – кажется, что её можно взять на себя только добровольно. Сама по себе постановка проблемы представляется поистине сложной – ведь это работа по освоению и осмыслению текущего, ежедневно творящегося на глазах читателя литературного процесса. Автор берётся за написание литературной истории современного ему исторического отрезка времени – собственно, как мы теперь знаем, в период Мэйдзи уложилась и вся жизнь Ксими́дова.

Кстати говоря, «кандидат словесности Иваки» тоже был молодым человеком – даже на год моложе Г.Г. Ксимидова, и это его первая книга «Мэйдзи бунгаку си» («История литературы периода Мэйдзи», 1906), вышедшая всего через четыре года после окончания им японского отделения филологического факультета Токийского Императорского университета. Несмотря на молодость автора, этот труд отличает фундаментальность, систематичность и насыщенность литературными фактами. Эта почти 400-страничная книга, не только фактологическая, но и концептуальная, японская литературная история рассматривается в ней как движение жанров – от традиционных к современным, через этап философско-эстетического освоения западной литературы в результате интенсивной переводческой деятельности. Кроме того, книга была первым исследованием в стране по литературе этого сложнейшего периода и стала во многом образцом для последующих теоретических работ в области литературной эстетики Мэйдзи. Современный историк литературы Кунимото Кавадзэ пишет о значительном влиянии на Иваки теоретического труда Цубоути Сёё «Сё:сэцу синдзуй» («Сокровенная суть романа», 1885), а также эссе Фуабатэй Симэй «Сё:сэцу со:рон» («Общая теория романа», 1886). Последний, в свою очередь, во многом опирался на работы В.Г. Белинского [Кавадзэ, 1973, с. 16].

Надо думать, что Г.Г. Ксимидов самым внимательным образом отреферировал и частями перевёл исследование Иваки Дзюнтаро для своего дипломного сочинения – реферирование и перевод выполнялись тогда студентами Восточного института на всех отделениях как часть общей деятельности по формированию базы источников отечественного востоковедения. Но само это студенческое сочинение не сохранилось, а изданная Ксимидовым книга, после её сопоставления с трудом Иваки Дзюнтаро, предстаёт как глубоко авторское исследование, не являющееся ни переводом, ни рефератом, ни даже пересказом данной японской работы.

Собственно, Ксимидов цитирует Иваки лишь дважды – в связи с Гоголем. Он, вероятно, отталкивался от этого фундаментального труда, черпал в нём многие литературные факты. Но, судя по всему, он много работал и непосредственно с литературными произведениями исследуемого периода, а также пользовался иными, чем Иваки, источниками и исследованиями. Книга явно выражает индивидуальный, ксимидовский, взгляд на вещи, и это взгляд человека, в котором владение японским материалом и увлечённость им сочетается с позицией оригинального исследователя. Он не просто воспроизводит оценки японских критиков, а по-своему организует литературный материал в соответствии со своим пониманием и опытом, опытом российского учёного, для которого опорой была собственная словесность и собственная история, прошлая и современная, – как основа и повод для сопоставления и интерпретации.

Сказав про «опыт российского учёного», необходимо, вероятно, уточнить, что родным языком Г. Ксимидова, был скорее всего понтийский диалект греческого языка. Однако из его книги явствует ещё одна, не менее мощная культурная идентичность, с детских лет определяемая его принадлежностью к русскому языку и культуре. Именно с позиции носителя русского литературного и исторического сознания он интерпретирует и японский литературный процесс, и социально-исторические обстоятельства. Например, глава о влиятельном японском просветителе Фукудзава Юкити, который, по выражению

Ксимидова, «обессмертил своё имя» созданием нового литературного японского языка, называется: «Фукудзава – японский Ломоносов».

В книге Ксимидова мы находим концептуальные обобщения, касающиеся японской литературной истории, начиная с раннего её периода, его оригинальные взгляды на актуальную литературу; читателю предлагается обзор современной автору японской беллетристики и поэзии. Уделяется место и новым теориям романической прозы – трудам Цубоути Сёё «Сё:сэцу синдзуй» («Сокровенная суть романа») и творчеству Футабатэй Симэй. Кроме того, в приложении автор даёт переводы художественных произведений и их фрагментов.

Книга Ксимидова, по-видимому, сразу вызвала интерес среди русской читающей публики – её можно найти, например, в списке книг, приобретенных М. Горьким для его личной библиотеки, она была выписана им как новинка сразу после выхода. В полном издании писем писателя содержится письмо от 18 (31) декабря 1909 г., в котором Горький пишет С.П. Боголюбову¹³ с Капри: «Дорогой Семён Павлович! Будьте добреньки – пошлите купить книжки по прилагаемым объявлениям. И не найдется ли книга: Ксимидов – Очерк истории японской литерат[уры] – издана в Благовещенске, но продаётся и в Питере. Всех благ. <...> А. Пешков» [Горький, 2001, с. 225]¹⁴.

Кстати сказать, несмотря на значительное развитие отечественного востоковедения за прошедшее столетие и появление многочисленных и разнообразных исследований по литературной истории Японии, 120-страничная работа Г.Г. Ксимидова и поныне остаётся живым и важным источником по литературе эпохи Мэйдзи – этого сложнейшего переходного периода в истории японской культуры. Это были свидетельства современника, написанные по горячим следам.

В то же время работа построена по жанрам и направлениям: в ней отражены последовательно, по главам «шуточные писатели», романтизм, начало политической и социальной беллетристики, натурализм, отдельные литературные направления. И, надо сказать, исторические обстоятельства сложились так, что до 70-х годов XX века этот «Обзор» был практически единственным существующим исследованием, специально посвящённым литературе Мэйдзи. Аналитическое и систематизированное изложение истории литературы Мэйдзи было затем подготовлено Н.И. Конрадом в 1934 г., однако оно долгое время оставалось недоступным для широкого читателя, поскольку существовало

---

¹³ Боголюбов С.П. (ум. 1927 г.) – заведующий конторой культурно-просветительского паевого изд-ва «Знание» в Петербурге, действовавшего в 1898–1913 гг.

¹⁴ Следует исправить две неточности в связи с этим письмом Горького – одна допущена самим Горьким, другая – составителями Полного собрания его писем. Во-первых, вместо Хабаровска, места издания книги Г. Ксимидова, Горький ошибочно называет Благовещенск. Вторая неточность – в примечаниях к этому письму составители тома пишут: «КСИМИДОВ Г.Г., профессор Хабаровского университета, историк литературы; автор книги “Обзор истории современной японской литературы: (По японским источникам)”». Как мы знаем, Г.Г. Ксимидов не был профессором Хабаровского университета – в течение двух лет между окончанием Восточного института и преждевременной кончиной он состоял на дипломатической службе.

Покупка М. Горьким этой книги была неслучайной – за время литературной деятельности у него вообще собралась довольно большая коллекция книг по японской литературе, а также предметов японского искусства; кстати говоря, он был ещё и членом редакционной комиссии экспертов Восточного отдела издательства «Всемирная литература», созданного по его инициативе и просуществовавшего с 1919 по 1923 г. Но, как мы видим на примере книги Ксимидова, и до этого он при всякой возможности выписывал себе книги, связанные с Японией.

только в рукописи как материал лекций для студентов и было опубликовано лишь в 1973 г. В составе посмертного издания архива ученого «Очерки японской литературы».

Книга Ксимидова, как нам представляется, довольно сильно отличается и от его дипломного сочинения, и от исследования Иваки Дзюнтаро. Это видно уже хотя бы по тому, что в книге Иваки японская литературная история доведена до 1903–1904 гг., о чём он сам пишет в предисловии [Иваки, 1906, с. 5]. Что же касается Ксимидова, то, хотя он говорит, что его «Обзор» охватывает период в 38 лет – с 1 г. Мэйдзи (1868 г.) до 1906 г., но автором учтены, переведены во фрагментах и процитированы новейшие произведения японской словесности, увидевшие свет в 1909 г., в год выхода книги. Из этого становится очевидным, что Ксимидов и после завершения дипломной работы и окончания Института продолжал работать над своей темой и следить за литературными новинками и событиями вплоть до сдачи рукописи в типографию.

А литературный процесс в современной Ксимидову Японии и в самом деле шёл чрезвычайно бурно и активно. Иваки в своей книге пишет, что «история обновленческих реформ – это история разрушения», имея в виду разрушение прежних идей, старых обычаев и т.п. [Иваки, 1906, с. 3]. Ксимидов в «Общей части» работы, в главе под названием «Дух времени», характеризует это время следующим образом: «Период этот чрезвычайно разнообразен, чужд постоянства и вообще тех характерных признаков, кои присущи литературным течениям народов Европы. Несомненно, что причина этого непостоянства, этой своеобразности японской литературы скрывается в самой жизни, которая складывалась у нации в описываемый период как-то странно, быстро и, именно, своеобразно» [Ксимидов, 1909, с. 3].

Эта «Общая часть» написана Ксимидовым так, чтобы дать представление широкому читателю о тех сложных процессах адаптации западной культуры и освоения нового уклада жизни, которые начались в стране вместе с отменой японской закрытости миру и переходу власти от сёгуна к императору.

Побывавший в Японии в самом начале XX века, сразу после Русско-японской войны, Ксимидов, видимо, отчётливо почувствовал не только новые, динамичные тенденции, но и инерцию старого, и сопротивление традиционного социального устройства и культуры.

Ксимидов говорит о соседстве этих течений как об остром культурном конфликте самых первых двух десятилетий Мэйдзи: «Литература этого времени выразилась в разных переводах, по преимуществу из сочинений времён французской революции и нигилистического движения России, под такими заглавиями, как “Песнь торжествующей свободы”, “Кровавая волна Запада” и т.п. Собственно, с этого момента и начинается заблуждение японских литераторов, которые задумали создать западный культурный мир с его возвышенными понятиями, с его упорядоченной семейной жизнью на слишком уже глубоко залёгших основах родной психологии, этики и морали. Но так или иначе страна ежегодно выдвигала на литературное поприще десятки писателей и переводчиков, которые наводняли книжный рынок своими, чуждыми и малопонятными читателю, работами. Критика молчала, и единственным оценщиком литературы являлся вкус читателя. Но вкус этот в свою очередь сообразовался с модой, с той или другой временной настроенностью нации, а потому литераторам приходилось разбрасываться и приспособляться, чтобы таким путём найти сбыта своему свободному труду» [Ксимидов, 1909, с. 5].

Ксимидов описывает социокультурную и политическую обстановку первых десятилетий Мэйдзи, включая восстание Сайго Такамори против новых порядков. Переходя затем к 1890-м годам, которые он называет самыми важными и плодотворными годами периода, в частности, Ксимидов рассказывает и об охранительной реакции на столь стремительное социокультурное обновление, об образовании философско-политического кружка «Сэйкё:ся» (1888), инициаторы которого призывали к отказу от чрезмерного увлечения всем западным и к сохранению национальной культуры, которая, по мнению Ксимидова, «будучи обновлённой лучшими сторонами культуры запада, может удовлетворить запросам переживаемого времени и, в то же самое время, – отвечать требованиям разумно-прогрессивной жизни страны» [Ксимидов, 1909, с.22]. С точки зрения Ксимидова, деятельность тогдашнего правительства, благодаря принятию в 1889 г. новой Конституции Мэйдзи и осуществлению национализации школ, «примирила обе партии и, вернув нацию к самобытности, но самобытности, уже обновлённой западом, – направила литературные силы на служение не политике, а художеству – литературе, как чистого искусства. Уже в 23 г. Мэйдзи (1890 г. – Л.Е.) выходит в печати 1-й том сборника полного собрания наследственной литературы (всего 24 тома), а за этим следуют одно за другим – сборник поэзии (12 томов) и остальные тома полного собрания».

Для Ксимидова, который видел события первого десятилетия XX века, всё это было знаками преодоления острого кризиса между «архаистами и новаторами», «почвенниками и западниками», победа линии умеренных. Через тридцать лет уже были очевидны опасные последствия этого движения. Н.И. Конрад в своих материалах по литературе Мэйдзи напишет про «Сэйкё:ся» – «Общество политического просвещения» – и стоявшего во главе его Миякэ Сэцурэй: «Общественно-политические взгляды Миякэ отличались определённым консерватизмом. Это впервые выявилось в 1884–1885 годах в связи с позицией, занятой им по отношению к движению за романизацию японского письма. Он выступил против этого движения во имя необходимости сохранять своё «национальное достояние». <...> Эти свои «охранительные» взгляды Миякэ перенёс и на страницы вновь основанного журнала «Ниппондзин», провозгласив в нём лозунг «Кокусуй ходзон» – «Охрана национальной красоты». Этим самым Миякэ и его единомышленники стали во главе националистической реакции конца 80-х и начала 90-х годов прошлого столетия» [Конрад, 1973, с. 84]. Несмотря на более резкую по тону критику, конечный вывод у Н.И. Конрада примерно такой же, как у Ксимидова: «Новая литература для того, чтобы выйти на широкую дорогу, нуждалась в обогащении своих выразительных средств, новые писатели нуждались в “учёбе у классиков”. <...> Усвоив это наследие, новая литература получила прочную базу для своего дальнейшего развития» [Конрад, 1973, с. 328].

Надо сказать, что романизация, вообще реформа письма, в те времена была одним из предметов ожесточённой дискуссии. Нынешнему японоведу интересно будет прочитать приводимую Ксимидовым революционную выдержку из эссе Фукудзава «Учение о стиле»: «теперь же мы должны подготовиться к уничтожению китайских иероглифов; эта подготовка должна выразиться пока в сокращении числа этих знаков до 3000. Такое количество иероглифов для нас будет вполне достаточным, ибо лично я в трёх томах своей работы пользовался только лишь 1000 знаками», а на изучение иероглифов тратится «большая доля энергии и сил японской молодёжи» [Ксимидов, 1909, с. 18].

Из книги явствует также, что Ксимидов использовал не только прочитанные им в большом объёме печатные материалы, но и свои собственные, непосредственные японские впечатления и наблюдения, в которых отразились обе описанные им тенденции – и жажда всего нового, и охранительность. Так, он пишет: «Перестраиванию Японии, так сказать, её культивированию на европейский лад, много содействовала пресса, которая ни в одном из европейских государств не расширялась с такой быстротой, как мы это видим в Японии. За каких-нибудь 40 лет столица Японии уже насчитывает сотни разных изданий, в которых сотрудниками являются люди передовые, люди европейски образованные. И всё это печатное слово читается всей нацией: читают старые и малые, читают мужчины, читают и женщины; читает министр, читают и возницы. Главные пункты остановок трамвая с утра до вечера запружены разносчиками газет, и для всех этих изданий находятся поклонники-читатели. Да, нужно быть только внимательным наблюдателем, чтобы поразиться особой привязанностью японцев к газетному делу. Малообразованная молодёжь читает часто нараспев, чтобы таким механическим способом запомнить слова и даже целые фразы и мысли, а издатели, чтобы облегчить чтение своих газет, обыкновенно, параллельно с основным текстом китайского письма обозначают чтение японским алфавитом» [Ксимидов, 1909, с. 9].

С другой стороны, оказавшись в Японии через полтора года после окончания Русско-японской войны, Ксимидов остро почувствовал атмосферу японского патриотизма, выразившуюся в формуле «*Яматодамасий*», «дух Ямато»: «Не всё в Японии обстоит так благополучно, как нам кажется. Т.е. узкие идеалы милитаризма, в тисках которых заключена почти вся государственная жизнь нации, пока говорят нам только об опасности, которой подвергают этот жизнеспособный и деятельный народ его монопольные властелины – генералы. Мы были свидетелями идеально-жизненной дисциплины японского народа; мы были удивлены той неуловимо-животворящей связью, которая так мощно сковала 45 милл[ионов] людей в одно неразрывное, несокрушимое и враждебное нам целое. Но наряду с этим мы читали, как нация, будучи не в силах затаить в себе ту исторически сложившуюся ненависть и ту неизбежную жажду к борьбе, ознаменовала Портсмутский договор целым рядом беспорядков, которые являлись большой угрозой дальнейшему благополучию страны. Но то произошло уже после небывалых кровавых событий, когда прошли уже очевидные симптомы болезненности у народа и он стал смотреть на вещи трезвее» [Ксимидов, 1909, с. 99].

В «Обзоре» Ксимидов рассказывает о некоей книжной новинке на военные темы. Он переводит её название как мемуары Русско-японской войны, озаглавленные «Телом и сталью» («*нику-дан*»). «Не за художественные достоинства и не за свою историческую правдивость эта печальная летопись кровавых событий заслужила внимание нации, а за то, что в ней – в этой летописи каждый факт, каждая кровавая сцена рассмотрена автором в связи с “*Яматодамасий*”. От этого духа исходит всё, и к нему же, в конце концов, и направляется всё. Когда 12 атак японцев на русские укрепления оказывались безуспешными, когда, по словам автора, “русские пули сыпались, как проливной дождь”, и ошалевшие солдаты бессознательно останавливались, тогда выступали вперёд офицеры со словами: “где же, чёрт возьми, так называемое *Яматодамасий*!”, и сыны Ямато бросались после этих слов вперед и “швыряли своими телами, вместо стали”. <...> “Где же та сила, которая вела людей на

очевидную смерть, где то орудие, которое заставляло живых людей сознательно обращаться в пушечное мясо?» – спрашивает русский офицер и отвечает: – “это не созидающая сила, неудержимо влекущая к сознательной цели, нет, это рок, влекущий людей вперёд, даже помимо сознания и жажды жизни отдельных лиц, это именно Яматодамасий...”» [Ксимилов, 1909, с. 7–8].

Видимо, Ксимилов прочёл эту книгу, уже будучи во Владивостоке, она вышла в 1906 г. Он отметил её отдельно недаром, здесь сто́ит отдать должное его выбору – книга скоро стала мировым бестселлером, её тут же перевели на множество языков, на русский она была переведена с английского и издана в 1909 г., явно уже после выхода ксимиловского «Обзора»: Ксимилов перевел её название как «Телом и сталью», а в опубликованном переводе – «Живые ядра: очерк боевой жизни японской армии под Порт-Артуром»¹⁵. За первые три года после выхода эта книга выдержала в Японии 49 изданий. Её автор был с почётом принят японским императором и немецким кайзером, Т. Рузвельт восхищался стойкостью и убежденностью главного героя этих автобиографических записей, где «*Яматодамасий*» описывается как «духовное электричество». Пройдёт несколько десятилетий, и станет понятно, что это был род религии, идейно питавшей японский милитаризм и приведший к самым трагическим последствиям для страны.

Говоря о последующих произведениях японской прозы того времени, Ксимилов часто приводит переводы фрагментов произведений, которые считает нужным представить русскому читателю. В небольшом, в сущности, «Обзоре» Ксимилова вообще много цитат и переводов из разных произведений, – чувствуется, что литературный перевод был его увлечением.

Как сам он формулирует свои цели и результаты, «придерживаясь критики историков японской литературы, мы представили на суд читателя целый ряд лучших беллетристических работ, появившихся в период современного правления. Мы не сомневаемся, конечно, что читателю-европейцу, воспитавшему в себе литературный вкус на художественных творениях выдающихся беллетристов Европы, мэйдзийская литература покажется мало удачной... Но читатель сделает громадную ошибку, если в своих взглядах на новую японскую литературу будет руководствоваться этим своим чувством, как исходной точкой. Ведь приводимый нами литературный период обнимает собою 37 лет. За этот короткий период создалась новая жизнь, новая блестящая история, и произошла эволюция общественной мысли, – и всё это, можно сказать, полностью сфотографировано в литературных образах...» [Ксимилов, 1909, с. 71].

Ксимилов указывает, что в 1906 г. в Японии вышло два произведения, которые стали надеждой нации на литературное возрождение, и не ошибается в выборе – он называет «романы “Хакай” и “Вагахай-ва-нэко-дэ-ару”», пересказывает их содержание и даёт краткую характеристику [Ксимилов, 1909, с. 72]. Речь, конечно, идёт о признанных теперь современной классикой романах Симадзаки Тосон («Нарушенный завет», пер. Н.И. Фельдман, М.-Л., 1931) и Нацумэ Сосэки («Ваш покорный слуга кот», пер. Л. Коршикова и А. Стругацкого, М., 1960). Эти два издания, как и военный роман Сакураи 1906 г., в исследовании Иваки не названы, – как говорилось выше, оно заканчивается 1904 г.,

---

¹⁵ Имя автора в русском переводе ошибочно транскрибировано как Тадеучи Сакурай, правильно: Сакураи Тадаёси.

т.е. Ксимидов и тут работает с оригиналами или же другими источниками, кроме работы Иваки.

Важное место в работе Ксимидова занимает японская поэзия. О ней он пишет, что «в период китайско-японской и русско-японской войн, когда японские поэты вдохновлялись или “духом Японии” (*Яматодамасий*), или же только тем, что имело отношение к этому духу. Поэзия в эти промежутки мельчала, грубела, приходила в упадок. Единственным поэтом страны, не поддавшимся подкupu времени, является Тоосон, у которого поэзия в лучшей своей части обоснована на природе...» (с. 77). Упоминает Ксимидов и о тех поэтах, у кого в душе пробуждается участие «к горькой доле простого народа».

В «Обзоре» Ксимидова рассказ о поэзии также содержит подглавки «хокку», «ута или вака», «синтайси» («стихи свободной формы»). Автор рассказывает также о новых тенденциях и объединениях в поэзии танка, о поэтических опытах первых реформаторов танка Отиаи Наобуми, Сасаки Нобуцуна и др. Как это было с романами, Ксимидов не ошибается и в выборе поэтов, которым отводит отдельные главы, – это Симадзаки Тосон и Дои Бансуй, и, кстати говоря, впоследствии отдельное внимание именно этим поэтам уделяется и в аналитических набросках к лекциям Н.И. Конрада.

В связи с хокку Ксимидов замечает: «В 10 году мейдзи (1877 г. – Л.Е.) – в самый разгар увлечения японцами западом, занятие по составлению «хокку» считалось уже делом несерьёзным, или, как говорит японский историк, – «детской забавой». Только лишь в 25 году (1892 г. – Л.Е.) начинаются новые серьёзные работы над этой национальной поэзией. Отцом такого серьёзного её направления является Масаока Сики». Рассказав о реформе хайку и поэтической теории, предложенной поэтом Масаока Сики, Ксимидов справедливо пишет, что «теория эта сыграла в судьбе означенной поэзии почти такую же роль, какую сыграла раньше упомянутая теория Сиоэцу (*сё:сэцу*. – Л.Е.) Синдзуй» в истории развития беллетристики» [Ксимидов, 1909, с. 80].

Любопытна рассказанная Ксимидовым история дебатов о японской поэзии, которые тогда, видимо, были у всех на слуху, а сейчас практически неизвестны. Речь идёт о диспуте 1895 г. между Карлом Флоренцем, выдающимся немецким филологом-японоведом, автором фундаментальной «Истории японской литературы» (Лейпциг, 1906) и Уэда Кадзутоси (Маннэн), известным специалистом в области японского языкознания. В журнале Токийского университета 1906 г., пишет Ксимидов, этот диспут стал предметом нового оживлённого обсуждения. Дело в том, что Флоренц, «великий знаток японского языка и японской литературы», как его называет Ксимидов, переводил японскую поэзию, в частности стихотворение Аракида Моритакэ (1473–1549) «*Ракка эда-ни модору то мирэба котё: кана*» («Опавший цветок / на ветку вернулся. / Глянул – да это бабочка!»). Флоренц дал стихотворению заголовок «Оптическая иллюзия» и далее перевёл на немецкий так: «*Wie? Schwebt die Blüte, die eben fiel, / Schon wieder zum Zweig am Baum zurück? / Das wäre fürwahr ein seltsam Ding! / Ich näherte mich und schärfte den Blick... / Da fand ich – es war nur ein Schmetterling*». («Как это? Полетел цветок, только что упавший, / обратно на ветку дерева? / Вот уж удивительное дело! / Я подошёл и взгляделся. / И тут понял, что это бабочка»). Сам Флоренц объяснял свой европеизированный перевод тем, что японские стихи фатально коротки, а это будет препятствием для их вхождения в сокровищницу мировой поэзии [Inaga, 2013, pp. 44–45].

Ксимидов пишет об ответе японского филолога: «Вот по поводу этих свободных переводов и появилась критика Уэда, который с некоторой насмешкой пишет: “Для того, чтобы понимать «хокку», нужно предварительно знать, кто был поэт стиха и какого характера он был человек! Ведь японские стихи-«хокку» составляются не для того, чтобы заставлять людей смеяться, а в них всегда заключается и цвет, и плод. – Будучи написан со вкусом по содержанию, стих должен быть непременно передан 17-ю слогами. Вот почему, – заключает профессор Уэда – перевод японского «хокку» европейцу недоступен”» [Ксимидов, 1909, с. 79–80].

Наверно, одной из последних сиюминутных литературных новостей, вставленных Ксимидовым в раздел поэзии перед самой сдачей книги в печать, было новогоднее ритуальное состязание по составлению пятистиший *вака* при Песенной палате императорского двора 1909 г. Согласно ксимидовскому обзору, «в нынешнем 1909 году была предложена тема: “Сосна в снегу” и было представлено в “О ута докоро” [Песенную палату. – Л.Е.] 25 408 стихов. Причем 16 было от принцев крови и от императора, императрицы и наследника, 104 от дворян, 947 от титулованных лиц, а все остальные от всех губерний, и между прочим с о. Сахалина 6, из Америки 16, из Китая 62, из Кореи 142, из Канады 2 и из Сибири 1». Ксимидов приводит танка, сочинённую императором Мэйдзи («Год за годом снег валит на старую сосну, но она делается более верной (крепнет), т.е. японский народ, подобно гнувшейся под тяжестью снега сосне, ежегодно терпит невзгоды, но эти лишения ничуть не колеблют его верности трону и отечеству»), а также стихотворение простого крестьянина («Хлопья снега – эти предвестники хорошего урожая, и для сосны не тяжелы»). Но премию, сообщает Ксимидов, получила домохозяйка, написавшая: «Подобно долголетнему белому снегу, сложившемуся в роще молодых сосен, – и тысячелетия твоей династии...».

Отдельное место в книге уделяется переводческой деятельности литераторов Мэйдзи и прежде всего переводам русской литературы. Ксимидов отмечает, что в настоящее время «Япония имеет в переводах почти все сочинения Л.Н. Толстого, мелкие рассказы Достоевского, почти все произведения Тургенева, часть произведений Лермонтова, Гоголя, Чехова и Горького»; в комментариях он указывает, что переводы эти сделаны с английского (хотя часть произведений переводилась с оригинала). Как он пишет, «значение русских писателей в деле эволюции общественной мысли страны, по словам самих же японцев, становится первенствующим. Особенную роль в этом отношении предстоит сыграть нашим писателям Гоголю и Л.Н. Толстому». Ксимидов приводит любопытные связанные с Толстым факты, и жаль, что не даёт при этом конкретной отсылки к источнику. «Моя исповедь» Л. Толстого, как он пишет, «переведена кандидатом киевской духовной академии выпуска 1893 года г. Кониси¹⁶. О г. Кониси передают его товарищи следующий курьёзный случай: окончив академию, г. Кониси отправился к Льву Николаевичу с миссионерской целью, или по другой вариации – “привести Толстого в христианство”. Л.Н. принял Кониси ласково, выслушал его рассуждения по поводу “зablуждений Толстого в евангелических истинах” и на прощание подарил ему русское евангелие с собственноручными заметками карандашом (евангелие это

---

¹⁶ В тексте – Каниси, вероятно, это опечатка, каких в книге немало, один только список замеченных опечаток в конце книги составляет 24 слова. По-видимому, имеется в виду Кониси Масутаро: во крещении Даниил Петрович Кониси (1862–1940), выпускник Киевской духовной семинарии 1892 г. Стал толстовцем, а также автором первого перевода трактата «Дао дэ цзин» на русский язык – книга под редакцией Льва Толстого была издана в 1894 г. Он был единственным японцем на похоронах писателя в 1910 г.

и по сие время хранится у г. Кониси, как драгоценность). Не прошло и двух месяцев по возвращении в Токио г. Кониси, как преосвященный Николай, столкнувшись с ним по религиозным вопросам, обнаружил в нём ярого приверженца толстовских взглядов на религию»... [Ксимилов, 1909, с. 96–97].

Завершая наш анализ «Обзора» Г.Г. Ксимилова, вышедшего более ста лет назад, скажем, что нельзя не оценить широту охвата, живой слог и горячую заинтересованность автора, в сущности, ещё совсем молодого человека, выпустившего свою книгу всего через шесть лет после того, как он впервые приступил к изучению японского языка и культуры.

Предмет его был в самом деле нелёгок – автор в своем «Обзоре» характеризует литературную обстановку следующим образом: «Лучшие писатели страны уже умерли, а живущие бросили перо. <...> Что касается молодых писателей, то они пока путаются в философских доктринах западных писателей и теряются в бездне недоступных им вопросов...» [Ксимилов, 1909, с. 71].

В целом, несмотря на масштаб поставленной задачи и отсутствие временной дистанции с описываемым материалом, автору «Обзора», как показало время, удалось уловить самое важное в событиях и тенденциях актуального литературного потока, обратить внимание читателя на самые значительные литературные фигуры и явления. И для современного японоведа, как филолога, так и историка, многие выводы автора и приводимые им детали оказываются любопытными и существенными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баранов И.Г. Четыре года в Восточном институте. 1907–1911 гг. Из личных воспоминаний // Воспоминания о Восточном институте, 1907–1911 гг. / сост. А.А. Хисамутдинов, Г.П. Турмов. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. С. 30–182.

Всеобщий календарь 1909 г. СПб.: издание П.П. Сойкина. 694 с.

Горький М. Полн. собр. соч. Письма в 24 тт. М.: Наука, 2001. Т. 7. 623 с.

Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф.29-И. Оп. 3. Д. 655. Л. 373 оборот-374. Архивный фонд Благовещенской духовной консистории, метрическая книга Покрово-Николаевской церкви города Благовещенска за 1910 г., актовая запись №16.

Государственный Архив Приморского Края (ГАПК). Ф.Р.-115. Оп.1. Д.554. Л.32.

Еланцева О.П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к становлению Восточного института во Владивостоке. Гуманитарный вектор. 2012. №2 (30). С. 132–142.

Ермакова Л.М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, 2005. 269 с.

Жарова Е.Ю. О вступительных экзаменах в университеты Российской империи конца XIX – начала XX вв. Вестник Пермского университета. 2016. №3. С.32–41.

Иваки Дзюнтаро. Мэйдзи бунгаку си. (История литературы периода Мэйдзи). Токио: Икуэйся, 1906. 377 с.

Иванова Г.Д. Японоведение во Владивостоке (начало XX в.). – Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. Санкт-Петербург: Фонд по изучению истории православной церкви, 1998. С. 25–49.

Кавадзоэ Кунимото. Иваки Дзюнтаро:-но «Мэйдзи бунгаку си» то Футабатэй Симэй-но «Сё:сэцу со:рон»: [«История литературы периода Мэйдзи» Иваки Дзюнтаро и «Общая теория романа» Футабатэй Симэй]. // Бунгэй ронсо. Изд. ун-та Риссё:.Токио, 1973. С. 15–17.

Кокаева А.В. Появление греков на территории Северного Кавказа. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2010. С.46–64.

Конрад Н. И. Очерки японской литературы. Статьи и исследования. М.: «Худож. лит.», 1973. 462 с.

Ксимидов Г.Г. Обзор истории современной японской литературы: 1868–1906: (По япон. источникам). – Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1909. 121 с.

Нихондзин то росиаго. Росиаго кё:ику-но рэкиси: [Японцы и русский язык. История преподавания русского языка]. Токио: Нихон росиа бунгакукай, Наука, 2000. 453 с.

Первый профессиональный японовед России: опыт латвийско-российско-японского исследования жизни и деятельности Е. Г. Спальвина / ДВГУ, Восточный институт [сост., отв. ред. А. С. Дыбовский]. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. 186 с.

Российский Государственный Исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 2033. Л. 112.

Рудянов Г.С. Греческая диаспора на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века: дис. Пятигорск, 1998. 244 с.

Сакурай Тадеучи. Живые ядра: очерк боевой жизни японской армии под Порт-Артуром. Изд. В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений. СПб., 1909. 248 с.

Сато Ёсиюки. Ясуги Садатоси то росиагогаку. Мэйдзи-Тайсё:-но гэнгогаку. Соно 8: [Ясуги Садатоси и исследования по русскому языку. Языкознание периода Мэйдзи-Тайсё]. Часть 8 // Сё:ва дзёси дайгаку киндай бунка кэнкюсё. Гакуэн, 2008. №816. С. 64–72.

Серов В.М. Становление Восточного Института (1899–1909 гг.) // Изв. Вост. ин-та. Владивосток. 1994. С.14–36.

Сибя Нобухиро. Росиаго кёси Дусян Тодоровити то дайитидзи сэкай тайсэн хэнкё: тиики сюссинся-но насёнару айдентити: [Преподаватель русского языка Душан Тодорович и национальная идентичность выходцев из приграничных районов в Первую мировую войну] // Дзёсай дайгаку тю:о: кэнкю:сё . Тю:о: кэнкю:. 2017. №3. С. 1–25.

Синодик. Новомученики и исповедники Благовещенской епархии XX века. URL: <http://sinodik.e-vedomosti.ru/search?q=%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 17.01.2019).

Сушко А.В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 107–114.

Хисамутдинов А.А. Основатель школы корееведения Г.В. Подставин // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 106–110.

Хисамутдинов А.А. Российские толмачи и востоковеды на Дальнем Востоке. Материалы к биобиблиографическому словарю. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2007. 276 с.

Хияма Синъити. Первый лектор-японец Восточного института / пер. с яп. З.Ф. Моргун // Известия Восточного института. Владивосток. 1994. №1. С. 48–51.

Центральный Государственный Исторический Архив Грузии. Ф. №138. Арх. № 43659.

Inaga Shigemi. Fracturing the Translation or Translating the Fractures? Questions in the Western Reception of Non-Linear Narratives in Japanese Arts and Poetics. *Comparative Critical Studies* 10 (supplement): October 2013: 39–56.

REFERENCES

Baranov, I.G. (2015). Chetyre goda v Vostochnom institute. 1907–1911 gg. Iz lichnykh vospominaniy [Four years at the Oriental Institute, 1907-1911. From personal reminiscences], in A.A. Khisamutdinov, G.P. Turmov (ed.), *Vospominaniya o Vostochnom institute, 1907-1911 gg.* [Reminiscences of Oriental Institute, 1907-1911], Vladivostok: Far Eastern Federal University: 30–182. (In Russian).

Dybovsky, A.S. (ed.). (2007). Pervyy professional'nyy yaponoved Rossii: opyt latviysko-rossiysko-yaponskogo issledovaniya zhizni i deyatel'nosti E. G. Spal'vina [The first professional scholar of Japan in Russia: an attempt of Latvian-Russian-Japanese study of E.G. Spalvin's life and work], Vladivostok: Izdatel'stvo DVGU. (In Russian).

Elantseva, O.P. (2012) «Sovershenno novoye uchrezhdeniye i neizvedannoye delo»: k stanovleniyu Vostochnogo instituta vo Vladivostoke [“A completely new institution and unexplored enterprise”: on the formation of the Oriental Institute in Vladivostok], *Gumanitarnyy vector*, 2 (30): 132–42. (In Russian).

Ermakova, L.M. (2005). Vesti o Yapan-ostrove v starodavney Rossii i drugoye [The tidings on Iapan island in old Russia, and other matters], Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).

Gorky, M. (2001). Poln. sobr. soch. Pis'ma v 24 tt. [Full collection of works. Letters in 24 volumes], Vol. 7, Moscow: Nauka. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Amurskoy oblasti (GAAO), F.29-I. op. 3, d. 655, l. 373 oborot-374. Arkhivnyy fond Blagoveshchenskoy dukhovnoy konsistorii, metricheskaya kniga Pokrovo-Nikolayevskoy tserkvi goroda Blagoveshchenska za 1910 g., aktovaya zapis' №16 [The State Archive of Amur Oblast. F.29-I. inv. 3, file 655, 373 reverse side-374. Archive depositaries of Blagoveshchensk consistory, register of birth of the Pokrov-Nikolayevskaya church, record 16]. (In Russian).

Gosudarstvennyy Arkhiv Primorskogo Kraya (GAPK), F.R.-115, op. 1, d. 554 [The State Archive of Primorsky Krai, inv. 1, file 554]. (In Russian).

Hiyama, S. (1994). Pervyy lektor-yaponets Vostochnogo instituta (per. s yap. Z.F. Morgun). [The first Japanese lecturer at the Eastern Institute (translated from Japanese by Z.F. Morgun)], *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 1: 48–51. (In Russian).

Inaga, S. (2013). Fracturing the Translation or Translating the Fractures? Questions in the Western Reception of Non-Linear Narratives in Japanese Arts and Poetics, *Comparative Critical Studies*, 10 (supplement): 39–56.

Ivanova, G.D. (1998). Yaponovedeniye vo Vladivostoke (nachalo XX v.) [Japan Studies in Vladivostok (early 20th century)], in *Iz istorii religioznykh, kul'turnykh i politicheskikh vzaimootnosheniy Rossii i Yaponii v XIX-XX vekakh* [From the history of religious, cultural, and political relations between Russia and Japan in 19th – 20th centuries], Saint Petersburg: Fond po izucheniyu istorii pravoslavnoy tserkvi, [Foundation for the historical studies of the Orthodox church]: 25–49. (In Russian).

Iwaki, J. (1906). *Meiji bungakushi* [The History of Meiji literature], Tokyo: Ikuyōusha. (In Japanese).

Kawazoe, K. (1973). Iwaki Juntarō-no «Meiji bungakushi» to Futabatei Shimei-no «Shōsetsu sōron» [“The History of Meiji literature” by Iwaki Juntarō and “The General Theory of a Novel” by Futabatei Shimei], *Bungei ronso*: 15–17. (In Japanese).

Khisamutdinov, A.A. (2015). Osnovatel' shkoly koreyevedeniya G.V. Podstavin [G.V. Podstavin, the founder of the school of Korean studies], *Problemy Dal'negο Vostoka*, 1: 106–10. (In Russian).

Khisamutdinov, A. A. «Rossiyskiye tolmachi i vostokovedy na Dal'nem Vostoke. Materialy k biobibliograficheskomu slovaryu» [Russian interpreters and orientalists in the Far East. Materials for the bio-bibliographic dictionary], Vladivostok: DVGU Publishing House. (In Russian).

Kokayeva, A.V. (2010). Poyavleniye grekov na territorii Severnogo Kavkaza [The appearance of Greeks in the territory of North Caucasus], *Vestnik RUDN*, 1: 46–64. (In Russian).

Konrad, N. I. (1973) *Ocherki yaponskoy literatury. Stat'i i issledovaniya*. [Essays on Japanese literature. Articles and studies], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Ksimidov, G.G. (1909). *Obzor istorii sovremennoy yaponskoy literatury: 1868–1906*. (Po yaponskim istochnikam). [The outline of the contemporary Japanese literature: 1868–1906. Based on Japanese sources], Khabarovsk: Tipografiya Kantselyarii Priamurskogo general-gubernatora; 121. (In Russian).

Nihonjin to roshiago. Roshiago kyōiku no rekishi. (2000). [The Japanese and the Russian language. The history of teaching Russian], Tokyo: Nihon roshia bungakukai, Nauka. (In Japanese).

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Istoricheskiy arkhiv Dal'negο Vostoka (RGIA DV) [Russian State Historian Archive of the Far East], Inv. 702, Rec. 1, File 2033. (In Russian).

Rudyarov, G.S. (1998). *Grecheskaya diaspora na Severnom Kavkaze vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: Dissertatsiya* [The Greek Diaspora in the North Caucasus in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries (doctoral thesis)], Pyatigorsk. (In Russian).

Satō, Y. (2008). Yasugi Sadatoshi to roshiagogaku. Meiji-Taishō-no gengogaku. Sono 8 [Yasugi Sadatoshi and the studies in Russian language. Linguistics in Meiji-Taishō periods. Part 8], *Gakuen*, 816: 64–72. (In Japanese).

Serov, V.M. (1994). Stanovleniye Vostochnogo Instituta. (1899–1909 gg.) [The formation of the Oriental Institute (1899–1909)], *Izvestiya Vostochnogo instituta*: 14–36. (In Russian).

Shiba, N. (2017). Roshiago kyōshi Dusyan Todorowichi to daiichiji sekai taisen henkyō chiiki shusshinsha no nashyonaru aidentiti [The teacher of Russian language Dušan Todorovitch and the national identity of the people from frontier regions during the First World War], *Chūō kenkyū*, 3: 1–25. (In Japanese).

Sinodik. Novomucheniki i ispovedniki Blagoveshchenskoy eparkhii XX veka [Bead-rolls. New martyrs and confessors of Blagoveshensk eparchy in the 20th century], URL: <http://sinodik.e-vedomosti.ru/search?q=Mosolov> (accessed: 17.01.2019). (In Russian).

Sushko, A.V. (1996). *Dukhovnyye seminarii v Rossii (do 1917 g.)* [Seminaries in Russia (before 1917)], *Voprosy istorii*, 11–12: 107–14. (In Russian).

Tadeuchi, S. (1909). *Zhivyye yadra: ocherk boyevoy zhizni yaponskoy armii pod Port-Arturom* [The cannon-balls alive: the feature story of military life near Port Arthur], St. Petersburg: V. Berezovskiy. (In Russian).

Tsentral'nyy Gosudarstvennyy Istoricheskiy Arkhiv Gruzii, F. №138, arkh, № 43659 [The Central State Archive of Georgia, Inv. No. 138, file 43659]. (In Russian).

Vseobshchiy kalendar'. (1909). [A general calendar for everybody], St. Petersburg: P.P.Soykin Publ. (In Russian).

Zharova, E.Yu. (2016). O vstupitel'nykh ekzamenakh v universitety Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX vv. [On entrance examinations in the universities of Russian Empire in the late 19th – early 20th cent.], *Vestnik Permskogo universiteta*: 332–41. (In Russian).

Поступила в редакцию 24.01.2019

Received 24 January 2019

Для цитирования: Ермакова Л.М. Г.Г. Ксимидов и его «Очерк истории современной японской литературы 1868–1906» (Из истории отечественного японоведения) // Японские исследования. 2019. №1. С. 111–134. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10007

For citation: Ermakova L.M. (2019). Ksimidov i ego «Ocherk istorii sovremennoy yaponskoy literatury 1868–1906» (Iz istorii otechestvennogo yaponovedeniya) [G.G. Ksimidov and his “Outline of the contemporary Japanese literature (1868–1906)” (From the history of Japanese studies in Russia)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 1: 111–134. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10007